

Слесарев К.

Л. Скорин

Милый мой, 1985, 19.01.1985, № 25.

«КОНСТАНТИН СИМОНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ»

Издательство «Советский писатель», М. 1984.

«ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ ЛУКОНИНЕ»

Издательство «Советский писатель», М. 1982.

нового героического характера, человека активной идейной позиции. Ведь главные герои двух этих книг, равно как их товарищи и соратники, твердо знали, что они защищают, ради чего взяли оружие в руки. «Четыре года прожили мы на войне, — размышляет Маргарита Алигер о своих сверстниках, — каждый по-своему участвуя в том, чтобы любой ценой, чего бы это нам ни стоило, одержать победу над врагом... чтобы жить в преображенном мире, в мире без фашизма».

И, важно заметить, в непоколебимой решимости этой не было жертвенности, а ведь именно с нею как-то повелось в наши дни связывать понятие подвига. Нет, это было глубоко личной, внутренней потребностью современников: они знали твердо — иначе жить

Польша и, наконец, в Берлине — не только на пылающих улицах, но и... в Карлсборте, при подписании капитуляции» («Литературная Россия», 29 марта 1985 г.).

Боевые пути К. Симонова пересекались и с военными дорогами Михаила Луконина, который шел к Победе от сражения под Ельцом в декабре 1941 года (о котором рассказывает Харис Якупов в главе «Наш поэт») до участия в освобождении Варшавы (Анатолий Медников. «Штрихи к портрету»).

Твердый выбор своего жизненного пути, ясное понимание происходящих исторических процессов, ощущение неразрывной связи с судьбами народными — черты, характерные для идейно-нравственного облика двух поэтов. Здесь следуют искать истоки присущего им жизнелюбия, деятельной энергии, что в своих воспоминаниях неустанно отмечают современники, говоря и об «обаянии, смелости, таланте» М. Луконина, и о симоновской «переполненной, через край плещущей жизни», о его лич-

шло в том городом, с тем миром, с теми людьми, и не может ли случиться, что не у кого будет потом спросить о нас? Пакистанцы поняли стихи, поняли их и мои земляки».

Впечатляющая картина многолетней трудной и талантливой работы Константина Симонова в защиту мира предстает на страницах воспоминаний о нем. Борис Агалов («Поезд на край света») и Леонид Кудреватых («В Японии и после») увлекательно рассказывают о писательской делегации — во главе ее был Константин Симонов, — отправившейся в 1946 г. в Японию. После капитуляции здесь хозяйничали американцы. Они откровенно препятствовали творческим встречам советских писателей на японской земле. Все же удалось наладить контакты с интеллигенцией, побывать в деревнях среди крестьян, рыбаков... «Пресс-конференции, ответы на вопросы на встречах в редакциях разных газет и беседах с разными группами лиц, выступления по радио, — вспоминал Леонид Кудреватых, — все вошло в обиход нашей жизни...» Работать приходилось много и напряженно. Нужно было донести до японского народа правду о Советской стране, о мирном созидательном труде наших людей. «Нам нужно расшевелить тучи лжи, накопившиеся над Японией почти за три десятилетия», — не раз говорил К. Симонов в этой поездке.

В том же 1946 г., когда было положено начало «холодной войне», когда прозвучала речь Черчилля в Фултоне, выехали в Америку Симонов и Эренбург. Слово их было весомым, их знали за рубежами нашей Родины, читали, восхищались. Об этом рассказали западные журналисты Бернард Котен («Три месяца рядом с ним») и Гаррисон Э. Солсбери («Его книги — памятник ему»): «Симонов был знаменит. Его корреспонденции и статьи публиковались в наших газетах и журналах... — вспоминают они, — В том году в Америке была опубликована повесть «Дни и ночи», которая мгновенно стала бестселлером...»

Сразу после Победы и до последних дней жизни неустанно трудились наши писатели в защиту мира: здесь и поездки в Англию Симонова, Фадеева, Самеда Вургуня и Айбека; подготовка брюссельской ассамблеи, посвященной проблеме европейской безопасности (А. Караганов); «Иа давнего и недавнего»; Ташкентская конференция писателей стран Азии и Африки в 1958 г. и всемирный конгресс писателей-антифашистов летом 1965 г. в Берлине, тогда же поездка в Турцию и Сирию, где К. Симонов побывал и у кочевников-бедуинов; конгресс писателей мира в Софии в 1976 г. (Азиз Нейсин. «Письмо, которое не дойдет до адресата» и Мустай Карим. «Воспоминания у крошки моря»). Не все отражено в воспоминаниях полностью, подчас перечислены только даты, факты, характер поездок. Но порой даже простая хроника воссоздает подлинный размах общественной деятельности тех, кто вел борьбу за мир. Время требовало этой трудной, тяжелой работы, — Константин Симонов делал ее упорно, убежденно. В его выступлениях на международных форумах, в личном общении с разными людьми за рубежом, как вспоминают соратники, была та внутренняя правда, та духовная решительность, что свидетельствует о цельности натуры, о продуманной жизненной позиции. Привлекала к Симонову «прямота и откровенность разговора» (А. Караганов), никогда не уклонялся он от «сложных вопросов», от острой дискуссии, серьезно и доказательно опровергая любых оппонентов. Важным было и то, что все видели, понимали: «войну он знает не понаслышке, не издалека». Это и помогало К. Симонову завоевывать нам «друзей во всем мире» (М. Алигер). Своей общественной и творческой деятельностью он воздвигал «веки понимания».

Защитить мир, все человечество от разрушительных войн стало главной задачей в жизни писателей военного поколения, этому отданы были их мысли, желания, их сердца. Воспоминаются луконинские поэтические строки, обращенные к народам мира: «—Тише, люди, — шепчу я, — не гремите войной». В 1972 году К. Симонов, беседуя с немецкой журналисткой Ирмтрауд Гучке («...Плюс одно интервью»), раздумывая над тем, что было им уже сделано, сказал: «...в основе всех наших устремлений должна лежать борьба за то, чтобы на земле никогда больше не было войны. И если мои книги о войне могут помочь людям в борьбе за мир, значит, цель моей работы, цель моей жизни осуществлена».

На страницах двух документальных книг, рассказывающих о двух наших современниках, а также и о тех, кто в жизни шел с ними рядом, явственно оказался очерченный новый человеческий характер. Это человек, чье сердце, как верно сказал Жоржи Амаду, бьется «в ритме времени», кто живет болями и тревогами нашей эпохи, но живет не пассивно, страдающе, а деятельно, твердо определив свое место в историческом процессе, в судьбах народов мира.

«СЕРДЦЕ, БЬЮЩЕЕСЯ В РИТМЕ ВРЕМЕНИ» Л. СКОРИНО

ВОСПОМИНАНИЯ, собранные воедино, подобны мозаике, выложенной рукой подлинного мастера. Имя этому мастеру — жизнь. Рассказывая о встречах с Константином Симоновым и Михаилом Лукониным, о дружбе и горячих спорах, о совместной с ними работе в военные годы и после войны, авторы двух сборников, по сути, осмысливают судьбу поколения, вновь и вновь вглядываются в духовный облик тех, кто шел рядом. Именно потому внутренним лирическим мотивом обеих книг является размышление об идейно-нравственном уровне личности, о тех чертах, что сформировались у современников в кипении исторических событий.

Да, разные характеры предстают со страниц воспоминаний, не схожи творческие пути героев, различен размах их деятельности, но вместе с тем в судьбах и Константина Симонова, и Михаила Луконина, в судьбах их соратников — у каждого по-своему — отчетливо проявилась внутренняя сущность: неугасимое стремление быть на линии огня, на переднем крае истории.

Эдуардас Межелайтис, вспоминая о К. Симонове, называет его романтиком. Но «не по-байроновски и не по-лермонтовски», — говорит литовский поэт. «И не романтиком революционных баррикад». А героем новой эпохи — «середины XX века». И поясняет свою мысль: «Он был солдатом. Романтики революции выполнили свой долг. Революция победила. И теперь ей нужны были солдаты, люди с чистой совестью, готовые с оружием в руках защищать завоевания народа». В словах Межелайтиса сформулирован, мне кажется, лейтмотив этих книг.

Военные испытания для обоих поэтов начались раньше, чем для многих их сверстников. М. Луконин ушел добровольцем в студенческий лыжный батальон на финскую войну. К. Симонов получил боевое крещение на реке Халхин-Гол, где был дан отпор японской агрессии. О первых жестоких схватках разгоравшейся новой мировой войны рассказали участники событий поэты Платон Воронько (входивший в состав лыжного батальона вместе с Николаем Отрадой, Иваном Бакумовым и другими товарищами М. Луконина) и Сергей Наровчатов. О боях на Халхин-Голе вспоминают сотрудники фронтовой газеты «Героическая красноармейская», куда зачислен был К. Симонов: ее редактор Д. Ортенберг («Каким я его знал»), военный корреспондент Лев Славин («Штрихи к портрету»). «Мы прошли уже северные снега, потеряли близких друзей, лежали в госпиталях, узнали почем фунт лиха», — говорит Сергей Наровчатов. Но и выстояли, внутренне окрепли, закалились. А потом мужественно встретили грозные годы Великой Отечественной войны.

Воспоминания о конкретных людях, не претендующие по жанровым задачам своим на обобщения, убедительно показывают вместе с тем — самой реальностью исторических ситуаций, множеством жизненных подробностей — становление

нельзя. Отсюда и черпали силы Константин Симонов, Михаил Луконин и те, кто с ними делили все труды, все опасности военных лет. Так рождалась энергия их жизнедеятельности, здесь открывалась им, как поэтически определила М. Алигер, «некая безмерность, некая синева, некий праздник духа».

«Надо сделать набор высоты!» — любил говаривать М. Луконин. Подобную позицию хорошо обозначил С. Наровчатов, сказав о друге: «Он жил набело!»

ВЫСОКАЯ требовательность к самому себе, активное, сознательное отношение к жизни порождали стремление быть на переднем крае событий, все видеть, во всем участвовать.

Лев Славин свидетельствует: на Халхин-Голе молодой Симонов «сразу же показал себя неутомимым и бесстрашным военным журналистом». Д. Ортенберг, обращаясь уже к дням Великой Отечественной войны, рассказывает, как работал поэт в боевой обстановке. Он «шаг в шаг с бойцами передовых частей входит в еще пылающие, только-только освобожденные или освобождаемые города, разговаривает с нашими воинами, местными жителями, пленными, делает пометки в своей записной книжке, примостившись у забора, на крыльце, на пне, а то и просто на ходу». Он пишет и оперативные корреспонденции, и стихи, осмысливая, что ему становится свидетелем, — события, происходящие прямо у него на глазах, поступки и переживания окружающих его людей. Абхазский поэт Баграт Шинкуба характернейшей чертой духовного облика Симонова считает его «какой-то неутомимый интерес к жизни». А летчик Марк Галлай дополняет это наблюдение словами: «Он умел учиться у жизни».

В воспоминаниях тех, кто находился рядом с писателем на разных фронтах Великой Отечественной войны, — летчика Бориса Смирнова, военного журналиста Михаила Зотова, поэта Ираклия Абашидзе и других, — четко обрисовывается уникальный опыт корреспондентской и воинской деятельности К. Симонова.

В августе 1941 года он предпринимается в осажденную Одессу, уже отрезанную от основных сил наших армий, и передает важные сообщения — город не сдастся, продолжает сражаться. Грозные сентябрьские дни в Крыму; 51-я армия ведет тяжелые бои. Здесь писатель ходил в атаку, подымал на Арабатской стрелке бойцов под огнем и возвращался на корпункт в изрешеченной пулями шинели. А в ноябре того же 1941 года, «находясь на Севере...» вспоминает Д. Ортенберг, — вместе с моряками-разведчиками отправился на «морском охотнике» в тыл врага». Вместе со своими товарищами и соратниками, вспоминающими об этом сегодня, он был участником решающих битв под Москвой и под Сталинградом, на Кавказе. Евгений Долматовский вспоминает об их фронтовых встречах: «...на Курской дуге, на Днепре, при освобождении

ной храбрости. Важно подчеркнуть, что в основе этой смелости и храбрости была не просто молодая удача или «браввада», но прочная мировоззренческая позиция, решимость отстаивать и советскую землю, и наши революционные, подлинно гуманистические идеалы. Такими их видели и понимали люди, находившиеся рядом и в дни войны, и в послевоенные годы. О присущем К. Симонову «глубоком единстве слова и дела» говорит Фридрих Хитцер («Разговор, который никогда не кончится...»); о «непримиримости к любому проявлению человеконенавистничества» — Пааво Ринтала («Обязывающее наследие»); об «уверенном ощущении судьбы, назначения, цели жизни» — А. Борщаговский («Жизнь, стоящая того, чтобы жить»).

Глубина постижения характеров Симонова и Луконина наряду с широким историческим охватом событий способствует тому, что книги эти выходят за пределы чисто мемуарной литературы. Они воссоздают коллективный портрет героя нашего времени — того, что формировался в молодом еще социалистическом обществе, что впитывал ленинские идеи в процессе претворения их в жизнь, постаравшись вложить в это и свой труд; а став солдатом Великой Отечественной войны, защитил мир от фашизма. Воссоздавая такого героя, книги, о которых мы говорим, тем самым вторгаются непосредственно в сегодняшнюю литературную жизнь. Ведь не секрет, что в литературе этого реального героя сильно потеснили персонажи иного склада — колеблющиеся, мятущиеся, не находящие себя, теряющие представление о том, зачем, для чего они существуют на земле. Конечно, авторы неизменно возлагают надежды на то, что люди подобного типа в жестоких испытаниях пререстоятся, закалятся, превратятся в героев...

Но в жизни все обстоит далеко не так просто. Основную тяжесть истории выносят на своих плечах отнюдь не люди порыва, а те, кто уже в юности твердо избрал свой путь, кто, трудясь на благо родной земли, черпает силы в ощущении неразрывного с нею единства. «Волга-родина! Я твой, — горячо восклицал Михаил Луконин. — Я капля Волги. Искра малая от вечного огня». Каждый документ, каждый факт тех военных лет подтверждает: да, советские люди принимали свою историческую задачу; именно поэтому они сумели справиться с фашистской ордой и отвоевали народам мир.

НОВЫЙ — послевоенный — этап жизни нашей страны и всего мира раскрывается на страницах воспоминаний в многообразии жизненных ситуаций, дружеских встреч и острых споров современников. Перед нами предстает широкая панорама многообразной общественной деятельности советских писателей разных поколений — их борьба в защиту мира.

Земляк М. Луконина, волжанин Валентин Леднев свидетельствует, что сразу по окончании войны «в поэтах проснулась тревога за судьбу всей земли...» Возникла угроза атомного конфликта. Страдания Вьетнама во время американской агрессии напоминали о пережитом недавно на европейском континенте. Все очевидней становилась необходимость навсегда положить предел войнам. Современники думали об этом, писали, за это вели борьбу. В Леднев приводит размышления друга о поездке в Пакистан: «...побывав на раскопках древнего мертвого города, — рассказывал М. Луконин, — я написал, что не у кого спросить, что же произо-